

ВОКРУГ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ РОССИИ РЕСПУБЛИКОЙ
(Март—сентябрь 1917 г.)

Когда 1 сентября 1917 г. Временное правительство одновременно с созданием Директории провозгласило Россию республикой, фельетонист «Нового времени» А. Пиленко позволил себе с некоторым злорадством отметить, что событие это произошло «среди единогласного равнодушия».¹ В сущности он был прав, а отмеченное им обстоятельство несколько не было удивительным: к сентябрю спор о монархическом или республиканском образе правления представлялся настолько невозможным и бессмысленным, что политиканский маневр Керенского не привлек к себе значительного внимания.

Иначе обстояло дело в дни Февральской революции, когда судьба монархии и будущая форма правления являлись предметом горячих дискуссий на многочисленных массовых митингах, различных собраниях и заседаниях. Однако в бурном вихре революционных событий, последовавших за крахом монархии, обстоятельства, связанные с практическим осуществлением лозунга республики и с позициями буржуазных и соглашательских лидеров в этом вопросе, оказались «за кадром» политической хроники того времени, прения по этому поводу прошли как бы «вторым планом», оставшись недостаточно выявленными как для современников, так и для историков.

В специфических условиях первых революционных дней не велось сколько-нибудь регулярных и полных записей речей и докладов. Возможность такой записи исключалась самим ходом тогдашних митингов и собраний, которые чаще всего не носили правильного и организованного характера.

Впрочем, насколько можно судить на основании всей совокупности источников, несмотря на широкую распространенность в февральско-мартовские дни требования демократической республики, возможность ее провозглашения обычно изображалась соглашательским руководством Петроградского Совета как нереальная. А затем революция в своем развитии как бы перешагнула через этот лозунг, который так и не приобрел большого практического значения. В. И. Ленин с предельной ясностью выразил это в «Апрельских тезисах», противопоставив парламентарной республике республику Советов. Лозунг республики буржуазно-парламентского типа очень скоро потерял свою популярность в массах. Одна из причин этого состояла в том, что после свержения царизма и срыва планов конституционной монархии установление республики представлялось фактически совершив-

¹ Новое время, 9 (22) сентября 1917 г., № 14867.

шимся. В этих условиях обещание созыва Учредительного собрания, которое-де одно правомочно решить вопрос о форме правления, служило представителям буржуазных и соглашательских партий удобным средством избегать обсуждений этого вопроса по существу.

Как известно, к моменту свержения царизма требование республиканской формы правления в программах буржуазных партий отсутствовало. Кадеты объявили себя республиканцами лишь в конце марта 1917 г. И среди мелкобуржуазных партий и групп, считавших себя социалистическими, республиканизм в дофевральский период не был единогласным: народные социалисты стояли в этом вопросе, как и в некоторых других, в сущности на кадетских позициях. Однако обе главные партии послефевральской «революционной демократии» — эсеры и меньшевики — пришли к февралю, имея в числе своих программных требований установление демократической республики (что касается меньшевиков, мы имеем в виду соответствующее положение программы-минимум РСДРП).

Известно, что в процессе образования Временного правительства П. Н. Милюков, лидировавший в тот момент не только в собственной партии, но и в пределах политического представительства всей ценовой России, с пеной у рта отстаивал конституционную монархию с сохранением на троне романовской династии. При этом и сам Милюков, и его менее, чем он, активные сторонники следовали своему партийному программному принципу относительно формы правления.

Известно также, что при сдаче власти буржуазии руководители Исполнительного комитета Петроградского Совета, закладывая основы своей будущей соглашательской политики, отказались от требования провозглашения демократической республики. Однако в литературе нет единого взгляда по поводу того, были ли исполкомовские лидеры вынуждены сдать свои позиции под непреодолимым давлением Милюкова и других думцев в ходе переговоров с ними или сами решили не включать этого требования в перечень своих условий, предъявленных Думскому комитету.

До того как 3 марта была опубликована декларация Временного правительства, в которой пункт о форме правления оказался попросту опущенным, вопрос о провозглашении республики фигурировал или должен был фигурировать на нескольких заседаниях и собраниях — на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета 1 марта, на происходившем почти что одновременно с заседанием Исполкома собрании Совета, при встречах делегации Исполкома с членами Временного комитета Государственной думы в ночь с 1 на 2 марта и в следующую ночь, а также на собрании Совета 2 марта.

Введенные до сих пор в научный оборот материалы не содержат сколько-нибудь полных и совершенно достоверных сведений

обо всем, что говорилось на каждом из этих заседаний и собраний. В ряде существенных вопросов, среди которых и нас интересующий, известные нам источники противоречат друг другу. Поэтому точно установить исходную позицию лидеров Исполкома относительно формы правления после свержения царизма можно лишь путем сопоставления и разбора всех существующих данных.

Условия, на которых Совет передавал формирование правительства Думскому временному комитету, были выработаны, как известно, на заседании Исполкома, шедшем в течение почти всего дня 1 марта. Судя по воспоминаниям Суханова, выдвигал эти условия он, Суханов, а председательствовавший Стеклов записывал их на листе бумаги по мере утверждения Исполкомом. Этот-то лист, которого в нашем распоряжении сейчас нет, и следует считать наиболее достоверным источником по интересующему нас вопросу. Вообще о том, что происходило на этом заседании, мы можем судить лишь на основании сообщений его участников, сделанных на последующих собраниях или содержащихся в изданных впоследствии воспоминаниях. В точно таком же положении находится исследователь по отношению к собранию Совета 1 марта и двум ночным встречам исполкомовцев с думцами.

Иначе обстоит дело с собранием Совета 2 марта, отчет о котором на следующий день появился в «Известиях».² Из нескольких фраз, посвященных в нем докладу Ю. М. Стеклова о ходе переговоров делегации Исполкома с думцами, явствовало, что среди условий, предъявленных Исполкомом Думскому комитету, фигурировало и требование демократической республики, но думцы настояли на отклонении этого пункта.³

Относительно условий, предъявленных Исполкомом думцам, в исторической литературе существует лишь одно разногласие, и касается оно именно того, что представлял собой пункт о форме правления — требование демократической республики или непредрешения формы правления. Сторонники первого ответа на этот вопрос опираются на доклад Стеклова, сторонники второго — на сообщении Н. Н. Суханова, о котором нам предстоит сказать ниже. Что же касается доклада Стеклова, то он долгое время был известен лишь по газетному отчету. Недавно, однако, Ю. С. Токарев подтвердил газетную версию этого доклада на основании произведенного им разбора черновика протокола заседа-

---

² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 3 марта 1917 г., № 4.

³ Нельзя не отметить, что в отчете «Известий», озаглавленном «Из протокола заседания Совета рабочих и солдатских депутатов 2 марта», фамилия Стеклова как докладчика Исполкома названа не была, хотя большое число участников прений перечислено поименно. Не забудем, что главную роль в «Известиях» играл тогда сам Стеклов.

пия Совета 2 марта.⁴ Следует, впрочем, отметить, что в достоверности газетного изложения сказанного Стекловым сомневаться не приходилось и ранее: вряд ли возможно было при всей тогдашней сумятице на следующий же день напечатать в «Известиях» противоположное публично заявленному накануне в Совете.

Итак, пет сомнений в том, что Стеклов в своем докладе действительно говорил о требовании провозглашения республики как предъявленном Исполкомом Думскому комитету, но отклоненном думцами с крайней энергичностью, в ультимативной форме. Суханов же, напротив, утверждал, что на заседании Исполкома 1 марта «было решено требовать, чтобы правительство „не предпринимало никаких шагов, преддрешающих будущую форму правления“, с тем, чтобы Учредительное собрание свободно решило вопрос о республике или монархии».⁵ Суханов не скрывал при этом, что на заседании Исполкома «немедленное объявление республики, не в пример другим пунктам, было выдвинуто с особой остротой». Но Суханов (который еще до заседания Исполкома требование «немедленного объявления республики» «считал излишним») и его коллеги-соглашатели «после интенсивных поисков подлежащей формулировки» провели «компромиссное решение» — требование не предрешать формы правления.⁶

Так Стеклов, по словам Суханова, и прочитал этот пункт думцам по своему листу при первой ночной встрече. В соответствии с этим изображал Суханов и окончательные итоги ночных переговоров с думцами. «В конце концов, — писал он, — вопрос

⁴ Ю. С. Токарев. 1) Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и образование Временного правительства. — В кн.: Научная сессия, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России. Секция III. М.—Л., 1967, с. 14—21; 2) Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и образование Временного правительства. — В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967, с. 43. Ю. С. Токарев придерживается того мнения, что Исполком выдвинул требование демократической республики, по вынужден был от него отказаться под давлением думцев. Такова же точка зрения Э. Н. Бурджалова (Вторая русская революция. М., 1967, с. 315—316). Г. И. Злоказов (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969, с. 63), наоборот, утверждает, что требование, выдвинутое Исполкомом и отклоненное думцами, заключалось в том, чтобы создаваемое Временное правительство не предрешало формы правления.

⁵ Н. Суханов. Записки о революции. Изд. 4-е. Кн. I. Берлин—Пг.—М., 1922, с. 258.

⁶ Н. Суханов. Записки о революции, кн. I, с. 236, 258—259. В предвидении переговоров с Милюковым Суханов и Стеклов, чтобы не создавать для Милюкова «психологических импульсов», которые могли оказаться для него «непреодолимыми», решили не настаивать на термине «Учредительное собрание» и согласиться на «национальное», «законодательное» «или что-нибудь в этом роде». Линия Суханова состояла в том, чтобы не только снять все препятствия на пути создания правительства «цензовиков», но и придать ему «большую устойчивость перед лицом стихийно ползущих влево масс» (там же, с. 221).

о „третьем пункте“ (по словам Суханова, в исполкомовском перечне обязательство непредрешения содержал именно третий пункт, — *Р. Г.*) был решен таким образом: мы согласились не помещать в правительственную декларацию официального обязательства „не предпринимать шагов, предрешающих форму правления“. Мы согласились оставить вопрос открытым и предоставить правительству, или, вернее, его отдельным элементам, хлопотать о романовской монархии. Но мы категорически заявили, что Совет со своей стороны развернет широкую борьбу за демократическую республику».⁷

Как видим, исходной точкой торга между исполкомовскими представителями и думами является у Суханова требование непредрешения формы правления, а не провозглашения республики. И уступка, сделанная делегацией Исполкома Думскому комитету, подчеркивал Суханов, заключалась в том, что в декларации Временного правительства не был включен именно пункт с обязательством непредрешения формы правления, обязательством, которого вначале требовали от думцев исполкомовцы. Что же касается республики, то разговор о ней на первой ночной встрече шел, по Суханову, лишь в плане, так сказать, теоретическом: сдав свои позиции в споре о судьбе монархии, делегация Исполкома удовлетворилась своим собственным, чисто словесным заявлением о том, что Совет развернет борьбу за республику.

Вероятно, именно в этом заявлении Милоков усмотрел основание, чтобы утверждать впоследствии, будто, отклоняя формулу непредрешения, он срывал возможность провозглашения республики. Однако при всей заинтересованности в преувеличенном изображении размеров и значения своей личной победы над делегатами Исполкома он не утверждал, что они предъявили требование республики. «По настоянию Милокова, — писал он о себе в третьем лице, — делегаты совета согласились отказаться от пункта, согласно которому „вопрос о форме правления оставался открытым“ (в ту минуту в этой скромной форме обеспечивалась возможность разрешения этого вопроса в смысле республики, тогда как временное правительство принимало меры к обеспечению регентства Михаила)».⁸ Сообщение Милокова совпадает, таким образом, с сообщением Суханова.

Известные нам воспоминания других участников заседания Исполкома 1 марта, на котором утверждался перечень требова-

⁷ Там же, с. 340.

⁸ П. Н. Милоков. История второй русской революции. Т. I, вып. 1. София, 1921, с. 46. В изданных посмертно воспоминаниях Милокова соответствующее место имеет тот же смысл: «Шаг за шагом я отвоевывал у делегации то, что было в их тексте неприемлемого. Так, я не согласился считать „вопрос о форме правления открытым“ (они хотели тут провести республиканскую форму)» (П. Н. Милоков. Воспоминания. 1859—1917. Т. II. Нью-Йорк, 1955, с. 307).

ний, и прочих собраний и встреч, где он обсуждался, интересующих нас сведений не содержат.

Получается, таким образом, что утверждение о наличии среди требований Исполкома пункта о провозглашении республики содер­жится лишь в докладе Стеклова 2 марта. Установив это, мы должны отметить, что по дошедшим до нас сведениям никто из деятелей Исполкома, находившихся в гуще событий, участвовав­ших в заседании 1 марта и переговорах с думцами, не опровергал заявления Стеклова ни тогда, когда оно было сделано на собра­нии Совета, ни тогда, когда оно появилось в «Известиях». В наи­более полной мере это относится к Суханову, игравшему в те дни, наряду со Стекловым весьма заметную роль на так называемой «советской половине» Таврического дворца. Однако то обстоятель­ство, что заявление Стеклова не было тотчас же опровергнуто другими исполкомовскими лидерами, еще не может рассматри­ваться как аргумент в пользу его достоверности. Напротив, трое из участников этих событий, бывших 2 марта на собрании Совета, несомненно, знакомых с отчетом о нем в «Известиях» и отнюдь не заинтересованных в том, чтобы обнаружить один из первых тактических приемов соглашательства, тем не менее в своих воспоминаниях поставили стекловский доклад в целом под серь­езное сомнение. Д. О. Заславский и В. А. Канторович — они оба выступали на собрании Совета 2 марта, — назвав доклад Стеклова «дипломатическим и уклончивым по своему стилю», писали: «С его слов выходило, что одержана была большая победа над буржуазией, которая долго не хотела сдаваться, что уступки были необходимы, но они незначительны и что в сущности никакой поддержки правительству не обещано и серьезные обязательства не даны».⁹

С еще большей определенностью отзывался о докладе Стеклова Суханов. «„Программу“ Исполнительного комитета, предложенную „дензовикам“, Стеклов излагал, по его словам, «до крайности популярно, пространно, водянисто». Беря грех на себя, Суханов прямо писал, что доклад Стеклова был по его, Суханова, инициативе умышленно затянут, чтобы не оставить времени для прений и тем содействовать протаскиванию через Совет соглаше­ния Исполкома с Думским комитетом.

Если верить Суханову, для него «воспоминание о том, как пришлось испытать на себе власть „грязного дела“ политики», прибегая к «подобным приемам», было очень «печально», но наро­চিতости этой «печали» не перечеркивает значения его призна­ния.¹⁰

Вернемся, однако, к источникам, максимально по отношению к Стеклову благоприятным, к его собственным сообщениям по ин-

⁹ Д. О. Заславский и В. А. Канторович. Хроника Февральской революции. Т. I. Былое. Пг., 1924, с. 44.

¹⁰ Н. Суханов. Записки о революции, кн. I, с. 310—313.

тересующему нас вопросу. Дело в том, что переговоры Исполкома с думцами явились предметом не одного, а двух докладов Стеклова. Менее чем через месяц после заседания Петроградского Совета 2 марта Стеклов 30 марта выступил с докладом об отношении к Временному правительству перед Всероссийским совещанием Советов. У него в руках был тот самый писанный его рукой перечень утвержденных Исполкомом условий, который имел бы для нас значение наиболее достоверного источника.

«Вот, товарищи, — говорил Стеклов, — этот знаменитый исторический документ на клочке плохой писчей бумаги, содержащий наших 9 требований, которые мы выработали в Исполнительном комитете и с которого почти буквально, — что, вероятно, неизвестно ни большинству русского населения, ни тем более всей европейской и вообще заграничной прессе, — вот этот документ, с которого почти буквально Временное правительство списало свою знаменитую программу. Я не нуцу его в ход, так как он может пропасть, а мы представим его в музей истории. Если вы хотите, я его оглашу, но тогда я превышу назначенные мне полчаса. (Голоса: «Просим, просим».) Когда я оглашу этот документ, вы увидите, что Думский комитет отвергал из наших пожеланий и что изменял».¹¹ И Стеклов принялся оглашать пункт за пунктом, перебивая свое чтение некоторыми пояснениями. Третий пункт был им прочитан так: «Воздержание от всех действий, предпрещающих форму будущего правления». (Напомним, что в изложении Суханова пункт этот был также третьим по порядку и имел тот же смысл.) «Ниже я вам скажу, что это значит и почему они этого не приняли», — добавил Стеклов.

Перечислив все требования, он сейчас же перешел к «знаменитому пункту 3-му». Прочитав его еще раз, он стал пространно описывать «ту борьбу, которая вокруг него разгорелась». Объяснения его были довольно противоречивы (заявив, что отношение народа к демократической республике еще не было выяснено, он через несколько фраз утверждал, что республика — единственная форма правления, приемлемая для народа). Сводились они к тому, что кадеты, которых он относил к «сравнительно прогрессивным политическим партиям», оказались в тот момент непоколебимыми сторонниками конституционной монархии. Именно они в лице Милюкова, а не националисты или октябристы, от которых Стеклов

---

¹¹ Известия, 5 апреля 1917 г., № 32. Стенографический отчет о совещании был размножен на ротаторе. Один из оттисков послужил впоследствии для издания «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографич. отчет» (Подг. к печ. М. Н. Цапенко. Предисл. А. Я. Яковлева). М.—Л., 1927. Что касается интересующей нас части доклада Стеклова, то тексты «Известий» и книжного издания (с. 108—110) совпадают. Напомним роль Стеклова в издании «Известий» и добавим, что он принимал близкое участие в деятельности Центрархива, издавшего стенографический отчет.

готов был ждать этого, настаивали на провозглашении императором Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. В этих условиях, — стремился убедить аудиторию Стеклов, — немыслимо было добиться не только провозглашения демократической республики («чего мы не хотели насильно им тогда навязывать»), но и обязательства Временного правительства не предпринимать формы правления. «Тщетно мы заявляли им, — говорил Стеклов, — что мы простираем свое политическое благообразие до того, что, несмотря на имеющуюся в наших руках физическую силу, не заставляем их немедленно эту республику провозгласить и просим только не провозглашать монархию впредь до того, как выскажется русская земля, несмотря на все это, по этому пункту соглашение не состоялось, и они этот пункт отказались включить, т. е. отказались обязаться перед нами не предпринимать никаких шагов, предпрещающих форму правления, т. е., другими словами, устанавливающих монархию и навязывающих ее стране и Учредительному собранию».

Итак, два доклада Стеклова в интересующем нас вопросе решительно противоречат друг другу. Целый месяц прошел, прежде чем Стеклов решился рассказать о «политическом благообразии» исполкомовских лидеров, проявленном ими в процессе передачи власти буржуазии. Что же касается первого доклада Стеклова, то по всем обстоятельствам дела приходится признать, что 2 марта Стеклов при соучастии или сочувствии своих коллег-соглашателей лукавил. Их страх перед возможностью отказа буржуазных лидеров от власти, при всей его безосновательности и догматичности связанных с ним представлений, был для руководителей Исполкома достаточно сильным побудительным мотивом, чтобы пойти на уступки лидерам буржуазии, особенно на такие уступки, которые могли быть рассматриваемы как тактические.¹² Напомним, что среди «уступленных», т. е. вовсе не упомянутых, оказались и требования, связанные с вопросом о войне, улучшением положения трудящихся.¹³ В этих условиях небольшой трюк вокруг вопроса о форме правления выглядел почти невинно. Меншевистский догматический взгляд на характер революции — поскольку революция буржуазная, у власти непременно должна стать буржуазия, и надо избегать всего, что может помешать этому, —

¹² Взятия власти Советом его меньшевистско-эсеровские руководители, и в частности председатель Н. С. Чхидзе, боялись едва ли не сильнее всего.

¹³ Отрицая в своих воспоминаниях, что эти уступки были сделаны по тактическим соображениям, А. Керенский прикрывал соглашательство рассуждениями о том, что книжные формулы в революционном угаре значили не больше, чем клочки бумаги. «Я вообще не принимал участия в этих академических догматических спорах», — писал он, имея в виду переговоры делегации Исполкома с думцами (А. Керенский. 1) *Erinnerungen*. Dresden. 1928, S. 96; 2) *The crucifixion of Liberty*. N. Y., 1934, p. 279).

пришел в противоречие с одним из программных принципов социал-демократии, и догма сейчас же одержала верх, причем не только в действиях двух «внефракционных социал-демократов», как называли себя Суханов и Стеклов, но и в воззвании меньшевистского Организационного комитета, помещенном в «Известиях» 1-го марта. Воззвание это было проникнуто стремлением сдержать революционный порыв масс, облеченным в форму призывов к организованности, в нем содержался и явный намек на необходимость уступчивости по отношению к буржуазии («пужно дорожить каждым отрядом революции, как бы ни скромна была его роль во всенародном движении»). Вопросу о будущем государственном строе в меньшевистском воззвании была посвящена намеренно лишенная определенности формула: «образование Временного правительства, которое создаст условия для организации новой свободной России». Для Миллюкова это означало, что утром в день начала переговоров он получил в сущности полную свободу рук в том самом пункте, к которому относился с кровной заинтересованностью.

Совсем иной характер носил большевистский Манифест ЦК РСДРП, изданный 27 февраля и напечатанный 28 февраля в прибавлении № 1 «Известий». Он содержал революционно-демократическую программу социальных преобразований, был нацелен на закрепление результатов революции и дальнейшее ее развитие. Не останавливаясь здесь на характеристике Манифеста, во многом основанного на установках 1905 г., отметим лишь, что в нем вопрос о республиканской форме правления был поставлен в ясной и недвусмысленной форме: «Задача рабочего класса и революционной армии создать Временное Революционное Правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя».

Сопоставление с большевистским Манифестом делает уклончивость меньшевистского воззвания в вопросе о форме правления особенно очевидной. Связь между этой уклончивостью, за которой крылась готовность к компромиссу с буржуазией, и формулой «непредреждения», проведенной лидерами Исполкома на его заседании в тот же день, 1 марта, несомненна. А почью ценой уже осуществленного компромисса стал отказ исполкомовской делегации и от этой формулы. Но исторический момент был таков, что революционное настроение масс изменялось от часа к часу, и на следующий день, 2 марта, исполкомовским соглашателям стало просто страшно рассказать перед собранием Совета обо всех обстоятельствах своего соглашения с Думским комитетом. Самый факт передачи власти цензовикам, к тому же делавшим все для сохранения на троне романовской династии, вызывал негодование рабочих и солдат. В Таврическом дворце это ощущалось вполне явственно, и перед открытием собрания Совета Суханов, по собственному его признанию, «опасался осложнений или затяжки дела в случае

„долгого парламента“». ¹⁴ Между тем на собрании этом предстояло еще «делегирование» Керенского в состав кабинета после того, как он уже вступил в число членов Временного правительства без всяких полномочий Совета. (Как известно, Керенский сам добился утверждения Советом своего шага с помощью эксцентрических выходов, примененных им сейчас же после доклада Стеклова).

Могли ли исполкомовские соглашатели в этих условиях правдиво изложить Совету свою позицию в вопросе о форме правления? Ведь для этого надо было сначала сознаться в том, с какой готовностью и легкостью они еще до переговоров с Думским комитетом решили поступиться требованием провозглашения демократической республики, а затем рассказать, как в ходе переговоров отказались и от формулы непредрешения, дав Милюкову возможность продолжать борьбу за сохранение монархии. Простое желание оградить себя от упреков в изначальной уступчивости заставило Стеклова (и претендовавшего на соучастие Суханова) передернуть карты в докладе Совету, представив думцев более твердыми и упорными, чем они были на самом деле.

Суханов, как мы видели, настаивал на том, что уступка Исполкома Думскому комитету в вопросе о форме правления практического значения иметь не могла. Милюков же смотрел на это иначе. Выторгованную им у исполкомовской делегации свободу рук он стремился до последней возможности использовать в своих целях сохранения монархии.

Ночь со 2 на 3 марта, в течение которой были продолжены переговоры между Исполкомом Петроградского Совета и будущими министрами Временного правительства, была для Милюкова очень тревожной.

Реакция представителей революционных масс на его речь в Екатерининском зале, несмотря на все увертки «старого профессора, привыкшего читать лекции», как назвал себя Милюков, ясно показала всю иллюзорность его расчетов на сохранение монархии и династии. Именно это обстоятельство само по себе было для Милюкова источником беспокойства. Возобновленные было при второй встрече попытки исполкомовских делегатов включить в декларацию будущего правительства пункт 3 своих условий мало его задевали. Он явственно ощущал заинтересованность лидеров соглашательства во взятии власти буржуазией и в нем самом как организаторе цензового кабинета. Он, конечно же, не забыл, что Суханов довольно прямо выразил ему это еще 27 февраля, а Стеклов расцеловался с ним на рассвете 2 марта после первой ночи переговоров. Даже ссылки исполкомовцев на происшедшее в Екатерининском зале в их устах звучали для него не очень-то убедительно, так как и Суханов, выступавший перед толпой у Таврического дворца вскоре после митинга в Ека-

¹⁴ Н. Суханов. Записки о революции, кн. I, с. 310—311.

терипинском зале, был в вопросе о монархии и династии более чем уклончив.

И когда Милюкову был задан вопрос, неужели он надеется на то, что Учредительное собрание оставит Россию монархией, кадетский лидер выложил на стол свою козырную карту. «Учредительное собрание, — заявил он, — может решить, что угодно. Если оно выскажется против монархии — тогда я могу уйти. Сейчас же я не могу уйти. Сейчас, если меня не будет, то и правительства вообще не будет. А если правительства не будет, то... вы сами понимаете...».¹⁵

Заняв эту ультимативную позицию по отношению к представителям Исполкома, Милюков был всецело поглощен решением вопроса о престолонаследии. Формула отречения, которую руководство прогрессивного блока передало, по словам Милюкова, царю через генерала М. В. Алексева, предусматривала переход престола к Алексею при регентстве Михаила Александровича. Тревожное для Милюкова ожидание отречения завершилось пришедшим около трех часов ночи известием о том, что Николай отрекся в пользу Михаила Александровича. Между тем с точки зрения русского законодательства о престолонаследии царь мог отречься только за себя, но не имел права отречься за сына. Акт Николая был, таким образом, незаконным, и вскоре Милюков, как он утверждает в своих воспоминаниях, пришел к убеждению в том, что поступок Николая был умышленным.¹⁶ Но на рассвете 3 марта отнюдь не соображения еще не распознанной нелегальности царского акта были кошмаром Милюкова. С каждым часом становилось все очевиднее, что революционный народ не допустит сохранения монархии. Уже передана была во Псков по прямому проводу просьба Родзянко генералу Рузскому спрятать манифест с отречением, так как оглашение его «подольет масла в огонь»; Милюков и сам то и дело звонил по телефону на вокзал, пытаясь перехватить Гучкова и Шульгина сразу же после возвращения в Петроград и предупредить их, что оглашать манифест нельзя.¹⁷

С одной стороны, он все еще никак не мог расстаться с надеждой на сохранение монархии, а с другой, — уже искал виновников ее гибели, и первым среди них оказывался у него сам Николай, не принявший предложенной ему формулы отречения.

¹⁵ Там же, с. 239.

¹⁶ Через несколько дней военное ведомство устроило завтрак в честь Временного правительства, на котором Милюков восседал рядом с великим князем Сергеем Александровичем. От него-то он и узнал, что все великие князья сразу же поняли незаконность николаевского отречения. «Если так, то, надо думать, закон о престолонаследии был хорошо известен и венценосцу», — заключил Милюков (П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II, с. 314).

¹⁷ См.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1. Л., 1967, с. 99.

«Замена сына братом была, несомненно, тяжелым ударом, нанесенным самим царем судьбе династии — в тот самый момент, когда продолжение династии вообще стояло под вопросом», — так позже сформулировал Милюков свое обвинение. Аргументировал он его тем, что мысль о наследовании престола Алексеем была для «публики» привычней и связывалась «с возможностью эволюции парламентаризма при слабом Михаиле».¹⁸ На самом деле, однако, старая формула отречения имела не больше шансов на успех, чем новая: реакция на милюковскую речь в Екатерининском зале достаточно ясно это показала. Милюков был едва ли не единственным, кто сожалел о старой формуле (хотя он тут же стал ревностным сторонником принятия престола Михаилом), и причина этого сожаления была не в том, что он считал ее более практичной, а в том, что очень связал себя с нею: он не только уже успел публично объявить о переходе трона к Алексею при регентстве Михаила Александровича, но и расхваливал этот вариант перед исполкомовской делегацией как вполне для нее приемлемый («один больной ребенок, а другой совсем глупый человек»).

Передача трона Михаилу, помимо того, что она ставила Милюкова в неловкое положение, создавала ему новую трудность в борьбе за сохранение монархии и династии: Михаил ведь мог в создавшейся ситуации отказаться от власти, и тогда судьбе монархии был бы нанесен новый удар, с каких бы легалистских позиций ни смотреть па вещи. . .

В кучке думцев и исполкомовцев, смешавшихся друг с другом в эту ночь, как и в предыдущие, одни были за принятие престола Михаилом, другие — против. Милюкову казалось, что «за этим разногласием стоял принципиальный вопрос — о русском государственном строе», но он ошибся: республиканизм его противников был столь небольшой глубины и силы, что вопрос о провозглашении республики после отречения Михаила так и не был поднят.

Впрочем, одно моментальное и экстравагантное выступление «за республику» Милюкову пришлось тут же отразить, не потратив почти никаких усилий. На сей раз, после получения известия об отречении в пользу Михаила, требование провозглашения республики выдвинули на несколько мгновений Керенский и Н. В. Некрасов. Сделали они это в самой неожиданной форме, обратившись к Милюкову как наиболее влиятельному из присутствовавших, тайком от остальных. Очевидно, уловив некоторую неловкость и сложность того положения, в котором он оказался, они выбрали именно этот момент для своего маневра. Керенский, по всей вероятности, продолжал поиски демагогических мер, с помощью которых хотел загладить свое вступление в состав

¹⁸ П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II, с. 315.

ценового кабинета без ведома Совета. За несколько часов до того, добиваясь одобрения своего шага, он в театральной речи, которую произнес перед Советом, вскочив на стол, между прочим прокричал, что, войдя в состав Временного правительства, остался республиканцем,¹⁹ и оказаться инициатором какой-либо меры республиканского характера ему было очень кстати.

Что касается Некрасова, то Миллюков неожиданный для себя республиканизм своего коллеги по кадетской партии относил на счет его принадлежности к масонам.²⁰ «Мы сидели втроем в уголке комнаты: я, Керенский и Некрасов, — вспоминал Миллюков. — Некрасов протянул мне смятую бумажку с несколькими строками карандашом, на которой я прочел предложение о введении республики. Керенский судорожно ухватился за кисть моей руки и напряженно ждал моего ответа. Я раздраженно отбросил бумажку с какой-то резкой фразой по адресу Некрасова. Керенский грубо оттолкнул мою руку».²¹ В возникшем «нервном» споре была достигнута договоренность о том, что Михаилу Александровичу будет высказано два мнения — Миллюкова, настаивавшего на его вступлении на престол, и Керенского — на отказе от престола.

Вскоре, утром 3 марта, в доме княгини О. Б. Путятиной на Миллионной ул., где в комнате рядом со столовой еще 27 февраля скрытно поселился великий князь, оказавшийся теперь императором, начались переговоры о судьбе престола. Существуют весьма выразительные описания той почти исторической сцены,

¹⁹ Известия революционной недели, 2—3 марта 1917 г., № 6—7.

²⁰ П. Н. Миллюков. Воспоминания, т. II, с. 311—312. Миллюков причислял к масонам также Керенского, М. И. Терещенко, А. И. Коновалова и И. Н. Ефремова. Вообще следует отметить, что кадетские лидеры в своих мемуарах, желая на всякий случай принизить роль кадетского руководства в организации Временного правительства, в решении судьбы монархии и т. п., охотно отдавали дань шедшим из крайне правых эмигрантских кругов указаниям на влияние масонов в дни Февральской революции. Так, И. В. Гессен писал: «По-видимому, масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства. Недоуменно я спрашивал Миллюкова, откуда взялся Терещенко, никому до того неизвестный чиновник при императорских театрах, сын миллионера, — да и притом еще на посту министра финансов, на который считал себя предназначенным Шингарев, смертельно предпочтением Терещенко обиженный. Миллюков отвечал: „Нужно было ввести в состав правительства какую-нибудь видную фигуру с юга России“, а потом эта видная фигура вытеснила Миллюкова и сама заняла его место министра иностранных дел. А когда это случилось, Миллюков говорил: „При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять князя Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы больше на месте“. Я был с этим вполне согласен, но ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры как Терещенки, так и Львова скрывалось в их принадлежности к масонству» (И. В. Гессен. В двух веках. Берлин, 1937, с. 216—217).

²¹ П. Н. Миллюков. Воспоминания, т. II, с. 315.

которую закатил там Милюков, пытаясь при поддержке одного только А. И. Гучкова продлить существование монархии, хотя всем присутствовавшим было ясно, что она погибла безвозвратно. «Белый, как лунь» Милюков, по словам В. В. Шульгина, «каркал как ворон». «Монарх — это ось. . . Единственная ось страны!» — твердил он, предрекая гибель России без монархии.²² «Это была как бы обструкция! — рассказывал другой очевидец. — Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить. . . никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех».²³ Любопытно, что Милюков-мемуарист в сущности подтвердил эти зарисовки, отметив лишь, что Шульгин «немножко преувеличил». «В моем „карканы“ была все-таки система», — с гордостью добавил он.

Хотя все мемуаристы и историки сходятся в том, что у Милюкова не было ни малейших шансов на успех, в его собственных мемуарах содержится недвусмысленное признание относительно тех расчетов, которые у него в тот момент были. План кадетского лидера состоял в том, чтобы немедленно на автомобилях бежать в Москву и открыть вооруженную борьбу за монархию против революционного народа. «Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем поставленного, чем к защите старого», — так выразил Милюков свою надежду на вооруженную помощь фронта монархической контрреволюции.²⁴

Однако Михаил заявил о своем отказе от престола, и Милюкову оставалось ограничиться такими формами протеста, как демонстративный отъезд с завтрака, устроенного княгиней Путятиной, и заявление об отставке, взятое к вечеру обратно. Но даже несколько десятков лет спустя он все еще утешал себя тем, что в манифесте об отречении Михаила допускалась возможность принятия трона по решению Учредительного собрания и, «таким

---

²² Октябрьское вооруженное восстание. ., кн. 1, с. 99.

²³ М. Алданов. Третье марта. — В кн.: П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929. Париж. [б. д.], с. 31. Не объяснялся ли «республиканизм» Родзянко его надеждой на то, что с упразднением монархии носителем верховной власти окажется Думский комитет под его председательством? Во всяком случае такое предположение сложилось после свидания с Родзянко у посла США Фрэнсиса (D. R. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 66—71). Но если Родзянко и увидел перед собой подобие президентского кресла, то видение это должно было сейчас же исчезнуть. В тот самый день 3 марта, когда было сообщено о создании Временного правительства и отречении Николая и Михаила, ЦК кадетов, ощущавших себя правящей партией, постановил, что законодательная власть, как и исполнительная, должна принадлежать Временному правительству, а Временный комитет Государственной думы «следует оставить в бездействующем состоянии», «не упраздняя его, а также не изменяя ни в чем нынешнего состояния законодательных палат» (Вестник партии народной свободы, 11 мая. 1917 г., № 1, стр. 13).

²⁴ П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II, с. 317—318.

образом, форма правления все же оставалась открытым вопросом».²⁵

Вплоть до июльских событий лозунг республики был в полном забвении у соглашательских лидеров революционной демократии.²⁶ Как известно, в период между Февральской революцией и июльскими событиями борьба за развитие революции протекала в мирной форме.²⁷ Лозунгом большевиков в этой борьбе был переход всей власти к Советам со сменой правящих партий внутри них. При этом большевики, как позже отмечал В. И. Ленин, выставляя требование созыва Учредительного собрания, неоднократно подчеркивали, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием.²⁸ Эффективность большевистской агитации в массах, несомненно, еще более политически обесценивала и без того недорого стоившую в тот исторический момент идею буржуазно-демократической республики.

Идея эта вновь возникла было в июльские дни, когда провозглашение республики вместе с роспуском Думы и Государственного совета и аграрными реформами оказалось намеченным в проекте правительственной декларации, подготовленном министрами-социалистами. Как известно, несогласие с этим проектом министра-председателя Г. Е. Львова явилось поводом к его отставке. Однако и Керенский, возглавивший правительство, и И. Г. Церетели, ставший министром внутренних дел, стремясь к коалиции с кадетами, с большой легкостью отказались и от провозглашения республики, и от роспуска Думы и Государственного совета.²⁹ Впоследствии, когда обострились разногласия внутри эсеровской партии, «Дело народа» возложило вину на Керенского, заявив, что вопрос возник «по предложению Церетели и других левых членов кабинета», но Керенский, стремясь «к расширению состава кабинета, к новому блоку с кадетами», «пришел к заключению, что потребности коалиции заставляют отказаться от этого акта».³⁰ «Было как раз наоборот», — возражал Керенский. По его словам выходило, что предложил провозгласить республику именно он, принимая пост председателя, а Церетели и «другие левые члены кабинета» его попросту обманули: предложение на словах приняли, но, воспользовавшись его отъездом на фронт, не включили в текст правительственной декларации 8 июля, в чем он, Керенский, к своему «удивлению», убе-

²⁵ Там же, с. 319.

²⁶ Едва ли не единственной защитницей буржуазно-республиканского принципа оказалась провозгласившая себя таковой бульварная газета «Российская республика» выходившая в Петрограде с 20 марта до 31 мая 1917 г.

²⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 5.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 162.

²⁹ Октябрьское вооруженное восстание. ., кн. 1, с. 370—371.

³⁰ Дело народа, 3 сентября 1917 г., № 145.

дился, получив декларацию в вагоне.³¹ Правда, вопрос о республике фигурировал в резолюции ЦИК,³² но двоевластие уже ушло в прошлое, и резолюция эта не очень-то связывала Временное правительство.

Тем не менее именно после июльских событий республиканизм министров-соглашателей получает новый импульс. Несколько забега вперёд, отметим, что в официальном сообщении Временного правительства провозглашение республики мотивировалось «единодушным и восторженным признанием республиканской идеи» на Московском государственном совещании.³³ Казенное объяснение это, поддержанное меньшевистской «Рабочей газетой»,³⁴ было мало состоятельно: на Московском совещании в речи Чхеидзе в весьма неопределённой форме была упомянута республика, которую должно-де закрепить Учредительное собрание, а министр внутренних дел эсер Н. Д. Авксентьев о республике вовсе не упомянул.³⁵ Действительное объяснение следует искать в конкретных особенностях политического кризиса, выход из которого Керенский усмотрел в одновременно проведенных установлении Директории и провозглашении республики. Нам представляется, однако, что объявление республики становилось неизбежным и в связи с некоторыми чертами политического развития после июльских событий и этот шаг Временного правительства был до некоторой степени обусловлен, как это ни странно, логикой его карательной политики.

Правительство Керенского начало преследовать участников июльских событий, не успев завершить юридической подготовки к этому. «Охранительное» законодательство царской власти, политически сокрушенное революционным народом, официально еще не было отменено. Собственно, речь шла не об отмене, а о замене его. Существовавшая комиссия по пересмотру уголовного уложения выделила специальную подкомиссию для переработки постановлений о государственных преступлениях. К июлю ничего еще не было готово, и июльские события, как выразился один тогдашний правовед, «заставили Временное правительство в спешном порядке восполнить пробел».³⁶ Так появилось постановление Временного правительства 6 июля, предусматривавшее заключение в тюрьме или крепости на срок до 3 лет за публичный призыв к неисполнению законных распоряжений власти (призывы, обращенные к воинским чинам, приравнивались к государствен-

---

³¹ Воля народа, 5 сентября 1917 г., № 110.

³² Речь, 9 (22) июля 1917 г., № 159 (3901).

³³ Вестник Временного правительства. 3 (16) сентября 1917 г., № 145 (190).

³⁴ Рабочая газета, 5 сентября 1917 г., № 152.

³⁵ Речь, 15 (28), 13 (26) августа 1917 г., № 190 (3932), 189 (3931).

³⁶ Н. С. Тимашев. Преступные призывы по новелле 6 июля 1917 г. Право, 22 августа 1917 г., № 33—34, стб. 1209.

ной измене и в том случае, если они носили непубличный характер).³⁷ Но юридическое несовершенство нового акта, отмеченное даже в лагере сторонников карательной политики, создавало для его применения «весьма существенные затруднения».³⁸

Затем 12 июля последовало постановление Временного правительства, предоставляющее министрам военному и внутренних дел право закрывать издания, содержавшие призывы к неповиновению военным властям, к гражданской войне и т. д., с привлечением редакторов к судебной ответственности. В тот же день была, как известно, восстановлена па время войны смертная казнь для военнослужащих за некоторые «тягчайшие» преступления. 28 июля военный министр и министр внутренних дел получили право закрывать съезды и собрания. Наконец, по постановлению Временного правительства от 2 августа эти министры могли арестовать или выслать из России любое лицо, которое будет ими признано «угрожающим обороне государства, его внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе».³⁹ Слова о революции и свободе придавали постановлению благозвучие, а формула «внутренняя безопасность» делала сферу его применения теоретически неограниченной.

Не следует думать, что все эти новые нормы стали сейчас же применяться в сколько-нибудь широком масштабе на практике: Временное правительство в своей карательной политике испытывало множество стеснений, в основе которых был страх перед революционным народом. Да и сами новые законы, по-видимому, представлялись их творцам недостаточно эффективными. И когда после июльских дней были привлечены к суду большевики, то им было предъявлено обвинение по верной старой ст. 100 царского Уголовного уложения, предусматривавшей каторгу за «насильственное посягательство на изменение в России установленного Основными законами образа правления». Юридическая бессмысленность этого была очевидна и многообразна. Прежде всего, хоть Временное правительство и осуществляло как исполнительную, так и законодательную власть (издавая даже указы), вряд ли было возможно трактовать его как «образ правления». А потому, с неотразимой логичностью заключал на страницах «Рабочего пути» юрист-большевик П. И. Стучка, «требование изменения его состава, хотя бы даже насильственное, конечно, ни один серьезный юрист не подведет под ст. 100».⁴⁰

Главный конфуз, однако, был даже не в этом. Принятые в 1906 г. Основные законы, естественно, устанавливали в качестве

³⁷ Вестник Временного правительства, 7 (20) июля 1917 г., № 98 (144).

³⁸ Н. С. Тимашев, ук. соч., стб. 1209.

³⁹ Право, 22 августа 1917 г., № 33—34, стб. 1222—1223.

⁴⁰ С. [П. Стучка]. Революционные кляузыники. — Рабочий путь, 5 (18) сентября 1917 г., № 2.

образа правления в России монархию, и теперь по точному смыслу ст. 100, примененной Временным правительством против большевиков, подлежал суду чуть ли не каждый, кто выступал за свержение монархии и установление республики. Чтобы выйти из неловкого положения, в которое оно само себя завело, Временное правительство своим постановлением 4 августа изменило редакцию ст. 100. Вместо «установленного Основными законами образа правления» в ней говорилось о «существующем государственном строе в России».⁴¹ Не говоря уже о неприменимости этой статьи к июльским событиям, было совершенно неясно, какой именно государственный строй в России существует.

Формально-юридическое решение этого вопроса становилось необходимым условием для эффективного применения разрабатывавшегося Временным правительством законодательства о государственных преступлениях. Эта необходимость усиливалась еще и критикой по адресу Временного правительства со стороны эсеро-меньшевистских лидеров за то, что оно «слабо борется» с опасностью справа. Как раз 4 августа ЦИК принял по этому поводу предложенную Церетели специальную резолюцию, в которой отмечалось усиление черносотенных элементов в связи с преследованиями большевиков.⁴² В. И. Ленин в статье «За деревьями не видят леса» показал всю бессмысленность требований борьбы с контрреволюцией, предъявляемых Временному правительству, являвшемуся инструментом в руках империалистической буржуазии.⁴³ Критика эта лишь усиливала постоянное стремление Временного правительства создавать видимость, будто оно ведет борьбу не только с большевистской партией, но и с правыми силами. В подтверждение этого теоретически можно было сослаться на законы, предназначенные для защиты существовавшего государственного строя, но, чтобы использовать их в таком качестве, не доставало опять-таки юридического определения этого строя.

Эта «неопределенность государственного строя», хоть Временное правительство и утверждало, что она была лишь «внешней», продолжалась до корниловского мятежа. Только после его разгрома, в организации которого сыграла решающую роль большевистская партия и Советы, республиканская идея ожила у Керенского. Она стала теперь элементом его бонапартистской политики, так называемой «керенщины», играя роль противовеса созданию Директории для осуществления чрезвычайной власти. В ходе правительственного кризиса, возникшего в связи с выступлением Корнилова, против Директории были кадеты, угрожавшие уходом из правительства; лидеры ЦИКа склонялись к поддержке Керенского и принятию его условий, но под давлением обстановки

⁴¹ Вестник Временного правительства, 10 (23) августа 1917 г., № 127 (173).

⁴² Октябрьское вооруженное восстание., кн. 2, с. 106—107.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 82—83.

высказывались против участия кадетов в правительстве. Керенский лавировал между теми и другими.⁴⁴

Центральный Комитет большевистской партии совместно с другими большевистскими организациями в разгар кризиса, 31 августа, принял резолюцию-декларацию, которая требовала создания власти из «представителей революционного пролетариата и крестьянства» и содержала программу этой власти. Хотя в этом документе вопрос о форме власти не выдвигался, существовали другие признаки предстоявшего возобновления большевиками на новой основе лозунга «Вся власть Советам!». Не менее грозное значение имел для Керенского общий рост политического влияния большевистской партии, особенно проявившийся в ходе заседания Петроградского Совета в ночь с 31 августа на 1 сентября.

В этих условиях провозглашение республики было со стороны Керенского, вероятно, не только средством удовлетворения меньшевистско-эсеровского ЦИКа, но и попыткой заслона против нарастающего влияния большевиков. И если второй роли этот акт Керенского не выполнил, то фактическому одобрению ЦИКом Директории трюк Керенского в немалой степени содействовал.⁴⁵ А в том, что это был именно трюк, мало кто усомнился. «Как нам передают, на объявление республики Временное правительство смотрит исключительно как на акт декларативный, не предполагая впредь до Учредительного собрания создавать какие-либо новые органы управления», — таким откликом ограничилась стоящая на правом фланге печати «демократии» газета «День».⁴⁶ О декларативном характере этого акта едва ли не первым написало «Дело народа», представлявшее центральные круги эсеровской партии, с которыми у Керенского были неприязненные отношения. Провозглашение республики и коалиция с кадетами, рассуждала эта газета, вещи друг друга исключают. Поставив разрушение коалиции в заслугу своей партии, «Дело народа» писало о провозглашении республики как о «ярком и создающем популярность акте», с помощью которого «сокращенное правительство» расчищает себе «дорогу к сердцам демократии».⁴⁷

⁴⁴ См.: Октябрьское вооруженное восстание, кн. 2, с. 134—180.

⁴⁵ Существует взгляд, согласно которому провозглашение республики явилось первым актом Директории. Текст официального сообщения «Действия правительства. От Временного правительства», помещенного в «Вестнике Временного правительства» 3 (16) сентября 1917 г., заставляет, однако, считать, что Керенский провел оба своих акта — создание Директории и провозглашение республики — как решения правительства старого состава. В сообщении сначала говорится о провозглашении республики, а затем — о создании Директории. Оно подписано не только Керенским, но и министром юстиции А. С. Зарудным, который в состав Директории не вошел.

⁴⁶ День, 5 сентября 1917 г., № 16114 (155).

⁴⁷ Дело народа, 3 сентября 1917 г., № 145.

Без всяких оговорок и недомолвок поддержала шаг Керенского «Воля народа», орган преданного министру-председателю правого эсеровского крыла с Е. К. Брешко-Брешковской во главе. «Воля народа» усмотрела в провозглашении республики даже практический смысл, найдя, что это поможет недопущению монархической пропаганды.⁴⁸ Однако и в среде самых рьяных сторонников Керенского, по-видимому, понимали, что политический эффект провозглашения республики незначителен, что революционные массы в отличие от официальной «демократии» декларативной подачкой удовлетворить не удастся. И уже в следующем номере «Воли народа» в фельетоне Питирима Сорокина «Заметки социолога. Об обывателе и обывательщине» среди примеров якобы обывательских высказываний, от которых-де «гибнет Россия», на первом месте стояла язвительная фраза: «Республика, республика, а мясо-то подорожало, вот тебе и республика».⁴⁹

Кроме правозэсеровской «Воли народа», полную поддержку акту Керенского оказала меньшевистская «Рабочая газета», которая обрушилась на отклики «сверхрадикалов» из «Новой жизни», отнесшихся к провозглашению республики иронически.⁵⁰

Из всех откликов как «цензовой», так и «демократической» печати кадетская реакция на провозглашение республики была наиболее характерной и выявляла самые сокровенные политические установки этой партии. Кадетская «Речь» посвятила теме республики статью В. Д. Набокова, наиболее деятельного и откровенного сторонника военной диктатуры из числа членов кадетского ЦК. Вызывающим был уже самый выбор автора — кандидата в министры корниловского кабинета. Прекрасно сознавая это, Набоков писал не только с уверенностью в своей безнаказанности, но и с чувством превосходства над Керенским, казалось бы, только что подавившим корниловский мятеж. «Если признать, что 3 сентября Россия „проснулась республикой“, то приходится тут же прибавить, что едва ли она это обстоятельство особенно сильно ощутила. Пожалуй, она его даже вовсе не заметила», — злорадствовал Набоков совершенно в духе нововременца Пилленко. Приняв позу республиканца, Набоков отвергал республику без республиканских учреждений, народного представительства, конституции. Существовавший строй он определял как «дикта-

⁴⁸ Воля народа, 5 сентября 1917 г., № 110.

⁴⁹ Воля народа, 6 сентября 1917 г., № 111.

⁵⁰ Рабочая газета, 5 сентября 1917 г., № 152. Один из этих откликов гласил: «Безымянное дитя февральских дней, до сих пор уклончиво именовавшееся „державой российской“, официально наречено республикой» (Свободная жизнь, 3 (16) сентября 1917 г., № 2. «Новая жизнь» сменила заголовок на «Свободная жизнь» после того, как была закрыта вместе с центральным органом большевистской партии газетой «Рабочий», обвиненная в сочувствии большевикам. Произошло это одновременно с созданием Директории и провозглашением республики).

туру, умеряемую бессилием власти».⁵¹ Эта выразительная формула допускала только одно толкование — кадетам-корниловцам была нужна сильная власть, надежды на которую они связывали с установлением военной диктатуры, а то и с восстановлением монархии, ничуть не смущаясь при этом недавним введением пункта о республике в программу своей партии.⁵²

Любопытно, что провозглашение республики в России было воспринято с гораздо большей серьезностью английской печатью, чем русской. Английские газеты, не представляя себе сколько-нибудь отчетливо ни особенностей политического положения в Петрограде, ни истинного смысла маневра Керенского, глубоко-мысленно обсуждали его значение. «Таймс» надеялась, что провозглашение республики устранил в России политическую «неустойчивость», а Директория будет работать «над восстановлением ее военной устойчивости». «Таким образом, — заключала газета, — по-видимому, существуют надежды на сосредоточение всех усилий в пользу продолжения войны, и это является единственным средством, благодаря которому Россия может выполнить свою роль, обеспечивая победу союзникам».⁵³ Еще яснее антантовский взгляд на форму правления в России был выражен в «Морнинг пост». «Насколько это касается союзников, они готовы приветствовать всякую форму правления, которая, по мнению России, больше всего отвечает ее потребностям, однако под условием, чтобы это правление основывалось на элементах, обеспечивающих свою собственную устойчивость», — писала «Морнинг пост».

«Манчестер гардиан» рассматривала провозглашение республики как создание пьедестала для фигуры Керенского. «В России, — писала эта газета, — нет другого человека, обладающего достаточной силой и властью, чтобы обуздать безумие революционного увлечения и противостоять тайным течениям. Покуда он будет на своем посту, наша страна обязана оказать ему всю поддержку, которую мы можем дать». «Дейли ньюс», более других осведомленная о политическом положении в Петрограде, призвала ЦИК (именуемый Советом) к умеренности, объявляла недемократичным требование исключения представителей буржуазии из правительства. Как и другие английские газеты, «Дейли ньюс» возлагала надежду на то, что меры Керенского ока-

⁵¹ Речь, 5 (18) сентября 1917 г., № 208 (3950).

⁵² В. А. Маклаков в дни корниловского мятежа добивался от генерала М. В. Алексева, чтобы «военная власть» возвела на трон Михаила, сколько ни доказывал ему Алексеев немыслимость этого (Г. А. Дамович. Василий Алексеевич Маклаков. Париж, 1959, с. 204). Маклаков даже в 1954 г. в своих воспоминаниях не мог простить «лояльным, монархическим, конституционным партиям», входившим во Временный комитет Государственной думы, того, что они 3 марта 1917 г. «убедили» Михаила отречься. (В. А. Маклаков. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954, с. 378).

⁵³ Воля народа, 6 сентября 1917 г., № 111.

жутся эффективными («приятно во всяком случае, что эти решения были достигнуты как раз в нужную минуту»)⁵⁴ Поддерживали Керенского в своих откликах на провозглашение республики и французские газеты.

Центральный орган большевистской партии «Рабочий путь» был единственной газетой как в России, так и за границей, которая полностью раскрыла смысл акта Керенского, выявила причины «долгих увеливаний и открытого сопротивления Временного правительства»,⁵⁵ показала юридические препятствия для карательной политики Временного правительства, проистекавшие из неопределенности государственного строя. Последнему вопросу была посвящена уже упоминавшаяся нами статья П. И. Стучки «Революционные кляузники», в которой, в частности, было доказано, что произведенное Временным правительством 4 августа изменение текста ст. 100 Уголовного уложения вплоть до провозглашения республики не имело ни смысла, ни юридической силы.⁵⁶

На следующий день, 6(19) сентября, в редакционной статье «Сделаем выводы» был поставлен вопрос: почему Временное правительство «так долго отказывалось» от провозглашения республики? Ответ «Рабочего пути» состоял в том, что Временное правительство до последней возможности избегало нарушения Основных законов 1906 г. и даже после того, как вынуждено было их нарушить, не закрывает Государственной думы, ими же установленной, и т. д.

Это была мало известная сторона соглашательской политики, и ее установление на страницах «Рабочего пути» имело несомненное значение в момент, когда в рядах большевиков обсуждались поставленные В. И. Лениным вопросы о компромиссе с меньшевиками и эсерами, о возвращении к лозунгу «Вся власть Советам!», когда конфликт Директории с ЦИКом по поводу коалиции с кадетами привлек к себе пристальное внимание большевиков.

Что же касается практического значения объявления республики для политики Керенского, то он попытался еще раз использовать свой маневр, создав на основе блока с «цензовиками» предпарламент — «Временный Совет Российской республики». Однако, как известно, и эта попытка не принесла ему удачи.

---

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Рабочий путь, 6 (19) сентября 1917 г., № 3.

⁵⁶ Рабочий путь, 5 (18) сентября 1917 г., № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Д. И. Раскин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро. О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв.	5
Н. Е. Носов. О двух тенденциях развития феодального землевла- дения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (К поста- новке вопроса)	44
Ю. Г. Алексеев. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в.	71
А. И. Копанев. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в.	103
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
В. Г. Чернуха. Проблема политической реформы в правительст- венных кругах России в начале 70-х годов XIX в.	138
Т. М. Китанина. Программа экономического освоения Севера и тарифная политика С. Ю. Витте (К оценке Челябинского тарифа)	191
Ю. Б. Соловьев. Печать о политической роли дворянства в конце XIX в.	210
В. С. Дякин. Столыпин и дворянство (Провал местной реформы)	231
Л. Е. Шепелев. Царизм и акционерное учредительство в 1870— 1910-х годах	274
В. Н. Гинев. Февральская буржуазно-демократическая революция и аграрный вопрос у эсеров (Соотношение программы и тактики)	318
Р. Ш. Ганелин. Вокруг провозглашения России республикой (Март—сентябрь 1917 г.)	343